

Дмитрий Александрович Андреев –

первый заместитель главного редактора
альманаха «Развитие и экономика»

Код Выдрины

— Дело движется, — говорит Гражданин. — К матери этих сукиных скотов-саксов, и с их кваканьем.

Ну, тут Дж. Дж. давай строить просвещенного барина и заправляет де мол возможны разные точки зрения, и люди отворачиваются от фактов и вспомните прием Нельсона, глядеть в трубу слепым глазом, и можно ли обвинять огульно целую нацию, а Блум ему всю подпевает про умеренность да похеренность да ихние колонии да ихнюю цивилизацию.

— Сифилизация, уж лучше сказать! — гремит Гражданин. — К матери их! Да разрази их всех в три слоя с крышкой, этих тупых ублюдков! Ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, нигде у них ни хрена, одни жалкие потуги. Все, что у них из цивилизации, — это у нас украдено. Стадо гугнивых вырожденков!

— Семья европейских народов, — О'Моллой вякает...

— Они никакие не европейцы, — режет Гражданин. — Я был в Европе с Кевином Игеном Парижским. Нигде в Европе никакого следа ни их, ни ихнего языка, если только в *cabinet d'aisance**.

А Джон Уайз говорит:

— Сколь многие цветы ничей не узрит взор.

А Ленехан, который слегка может по этой фене:

— *Conspuez les Anglais! Perfide Albion!***

Джеймс Джойс «Улисс»

* Уборная (фр.).

** Презирайте англичан! Коварный Альбион! (фр.).

В

2007-м, когда я работал в журнале Виталия Третьякова «Политический класс», главный редактор как-то передал мне для публикации в очередном номере статью Дмитрия

Выдрины. Прежде мне доводилось слышать об этом киевском политологе и даже одно время депутате Рады, но никаких его работ я не читал. Очень хорошо помню, как я тогда открыл присланный файл,

приблизил пальцы к клавиатуре, чтобы сразу, как обычно — по мере продвижения по тексту, что-то править, и... пришел в себя лишь спустя какое-то время, после того как буквально проглотил весь материал. Статья, посвященная очередным предвыборным раскладам на берегах Днепра, была написана в духе политического детектива с элементами какой-то едва угадываемой потусторонней энигматичности — нечто вроде «Семи дней в мае» Нибела и Бейли или «Выкрикивается лот 49» Пинчона. Но что совсем тогда сразило наповал меня — редактора-буквоеда, — так это то, что мои пальцы так и пролежали возле клавиатуры без движения: я не сделал ни одной правки, чего со мной никогда не бывает. Всегда приходится пускать что-то да подчищать — хотя бы стиль или пунктуацию. А тут — ничего: безупречный русский язык украинского политолога полностью купировал проявления синдрома редакторского зуда. После этого я еще несколько раз публиковал статьи Выдрина — и в «Политическом классе», и уже в «Развитии и экономике». А полтора года назад, наконец, познакомился с ним лично, и он подарил мне две свои книги, вышедшие относительно недавно, — «О политике упорно» 2010-го и «О политике бесспорно» 2011-го. У меня сразу возникло желание написать даже не рецензию на них, а некое развернутое размышление об обеих — в том числе еще и потому, что у нас манера, в которой работает Выдрин и которая представляет собой сплав аналитики и афористики, к сожалению, уже давно вышла из моды. (В таком стиле вообще мало кто писал. Навскидку могу вспомнить разве что того же Третьякова в бытность его главным редактором «Независимой га-

«Эволюционер» — не тот, который свержает диктаторов, тасует политические режимы вместе с социальными системами, а тот, который задает новую стилистику. Характерный пример «эволюционера» — Че Гевара, создатель «стилистики воина-сибарита».

зеты», когда он издавал книги об «идиотизме российской политики», а также о том, что для нашей элиты является «нормой», а что — «патологией». Во всех нынешних «снобах» или

«русских пионеров» этот сплав уже гораздо более низкой пробы — удельный вес аналитики стремится к нулю, а афористика вытеснена жеманным эстетством.) Однако текучка

Выдрин считает, что «в каждой стране в определенный период возникает своя «обомомания»». «Код Барака Обамы» заключается в грамотном использовании колоссального политического потенциала стиля. Сильный президент – это обязательно «стильный президент».

долго мешала осуществить этот замысел, и до книг Выдрина руки дошли только тогда, когда с конца прошлого года события на Украине стали автоматически попадать в разряд топовых новостей. И честно признаюсь — во многом именно вследствие этого.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что в настоящий момент мое намерение может выглядеть по меньшей мере некорректным. Рассуждения об авторском утонченном и высокоинтеллектуальном стёбе по поводу «политикума» кучмистско-ющенковско-раннеянуковичской эпохи сейчас, когда на Украине началась самая настоящая гражданская война (сегодняшнее затишье ровным счетом ничего не значит), когда власть парализована и капитулирует перед боевиками, не скрывающими своей нацистской ориентации, могут показаться даже не абсурдными — а неэтичными. Да, согласен, считать так — правомерно. Однако правомерно и проти-

воположное мнение. У нас по умолчанию принято рассматривать аналитическую продукцию как скоропортящуюся, привязанную исключительно к ситуационной конъюнктуре, а следовательно, априори неспособную быть полезной потом. Но это мнение не только неправильное, но и лукавое. Точнее, оно лукавое — и потому насквозь лживое. В том, чтобы экспертные оценки воспринимались лишь в привязке к текучке, заинтересованы те, которые привыкли выдавать откровенную халтуру за высококлассную аналитику, получать свой навар, ловко оправдываясь, почему в их рекомендациях или прогнозах что-то там «не срослось» или «не сложилось», и поскорее урывать новый заказ. Эти так сказать политологи, естественно, всегда с пеной у рта уверяют, что при объяснении текущего момента глупо заглядывать в прошлое. И понятно, почему они поступают именно так. Просто из-за бо-

язни оказаться избалованными в том, как топорно они объясняли это прошлое, когда оно было еще настоящим. А ведь всё должно быть как раз наоборот: к политологическим текстам — если, конечно, они серьезные, а не состряпанные левой ногой ради скорой наживы — необходимо возвращаться и после их написания, чтобы через представленную в них картину недавнего прошлого правильно понимать настоящее. Книги Выдрина как раз такие. И неважно, что они о прежней Украине — а новая Украина при любом раскладе, даже самом оптимистичном, будет уже совершенно другой. Главное, что они объясняют, почему эта бывшая советская республика пришла к такой катастрофе, и показывают, что ее может ожидать далее.

Обстановка на Украине меняется стремительно, и очень возможно, что какие-то акценты приведенных ниже размышлений о книгах Выдрина утратят злободневность еще до того, как альманах выйдет из типографии. Но во-первых, если выпадение содержащихся в настоящем тексте мнений из обоймы актуальных, адекватных переживаемой повестке комментариев произойдет к тому моменту, когда читатели откроют этот номер альманаха, то в этом нет ничего страшного. Важно, что на момент написания статьи те вопросы, которые в ней разбираются, активно обсуждаются в СМИ и блогосфере. А во-вторых — и это главное, — если те или иные экспертные оценки перестают вызывать интерес, потому что оказались неправильными, это одно. Но если они всего-навсего устарели, хотя и точно интерпретировали ситуацию на момент своего появления, это совсем другое. Надеюсь, что предлагаемое здесь комментирование Выдрина если и

покажется читателям архаичным, то именно вследствие явного ускорения политического времени на Украине.

Что же касается неэтичности из трагического сегодня смотреть в довольно комичное вчера, нарисованное Выдриным в обеих книгах, то такое резонерство вряд ли вообще уместно. В конце концов, Шекспир, этот величайший политолог всех времен и народов, вел свою тайнопись, виртуозно используя стилистический потенциал как комедии, так и трагедии. Он свободно переходил от одного жанра к другому и снова возвращался к первому, проговаривая на языке комедии то, что не прозвучало бы так метко на языке трагедии, и наоборот. Скажем, поиграть с каббалистической премудростью ему было легче в «Венецианском купце», а вот разложить геополитический британский пасьянс — в «Макбете». (Я без всяких параллелей с Венецианской комиссией в ситуации очередного переписывания украинской конституции, равно как и не провожу — с намеком на перспективы сохранения территориальной целостности Украины — никаких аналогий с многовековой проблемой Британии, которая имеет шанс разрешиться в этом году самым неожиданным образом, хотя понятен соблазн всё именно так и воспринять.)

О революции

Слова, особенно затасканные — например, «революция» и весь близлежащий к этому понятию набор однокоренных производных, — ужасно тоталитарны. Наросшие на них толкования и аллюзии не только мешают, но подчас даже не позволяют при их употреблении апеллировать к обозначаемым ими первозданным или хотя бы очищенным от напластований минувшего и текущего веков смыслам.

Но несмотря на это мы вынуждены использовать такие слова — за неимением других, по привычке, из-за нежелания усложнять собственную лингвистическую жизнь. И в результате оказываемся под их зомбирующим воздействием — начинаем воспринимать как единственно верные не только подновленные версии лексических значений этих слов, но и связанные с подобными модернизированными интерпретациями эмоциональные и оценочные состояния. К чему это я? А к тому, что надо совершить над собой усилие, чтобы назвать происходящее сегодня на Украине — как, впрочем, и случившееся там почти 10 лет назад — революцией. Существуют другие — более адекватные — определения обоих Майданов. Например, «переворот» или «выстраивание контура внешнего управления в режиме управляемого хаоса». Считаю необходимым обозначить свое отношение к такому логототалитаризму, но далее, не делая больше никаких оговорок, буду просто употреблять те же слова, что и Выдрин.

Итак, о революции. С одной стороны, похоже, сам политолог так до конца и не знает, что же это такое — украинская революция. То он заявляет, что настоящие революции делаются не «на майданах, на сценах и на концертных подмостках», а «на улицах, на баррикадах и в темных переулках». То говорит, что революция вовсе «не там, где создаются баррикады», а «там, где ломаются президиумы». С другой стороны, в таких разночтениях можно, напротив, увидеть поиск адекватного описания украинских реалий. Напомню еще раз: говоря о революции, автор имеет в виду, конечно, события 2004-го. Но, видимо, еще задолго до начавшегося в ноябре прошлого года он чувствовал, что новая

революция будет разыгрываться по совершенно другому сценарию. Отсюда — и нащупывание тех реперных точек, при соединении которых общей линией внутри обведенного пространства и возникает территория революции. Арсенал «бархатного» сценария 2004-го пополнился. К «майданам», «сценам», «концертным подмосткам» добавились «улицы», «баррикады», «темные переулки». Да и сама революция оказалась совсем не «бархатной». Критерием того, что революция совершилась, понятное дело, является падение «президиумов» — но с этим, как оказывается, сложнее. «Президиум» может покинуть свою резиденцию и исчезнуть в неизвестном направлении. А потом с другого конца страны заявить о себе — как о действующем и никуда не девшемся. А вслед за этим переместиться в соседнюю страну и оказаться встроеным в сложную многоходовку. Выдрин как будто предвидел появление феномена блуждающего «президиума», когда говорил, что эпикриз о революции как свершившемся факте можно дать лишь на обломках «президиума», против которого эта самая революция и затевалась. А нет обломков — нет и революции. Вернее, есть революция как процесс, но не как результат. Понятно, что такие обломки будут однажды найдены. Но когда? Вот и торопится нетерпеливый «политикум», проявляя при этом несвойственное ему никогда ранее единодушие, оформить свидетельство о политической смерти недостижимого «президиума». Да, всё это очень по-нашему, по-русски — то есть по-украински. Здесь явно не работает классический революционный алгоритм, с такой вычурностью и явным любованием — как эталонным образцом — выписанный Выдриным. Этот

Когда Выдрин писал свои книги, на право называться «мачо украинской политики» претендовал лишь один политик: главная сенсация прошлых президентских выборов – Тигипко (на фото), неожиданно для всех занявший в первом туре третье место после Януковича и Тимошенко.

алгоритм — или, как его называет политолог, «код революции» — был найден им при посещении мемориала Симона Боливара в Каракасе. Который раз убеждаюсь, как вредно нам перемещаться в теплые края, где сиеста мутит рассудок и наш «острый славянский смысл» начинает давать сбои. Может быть, этот самый «код» и вычисляется по выведенной Выдриным формуле: три предательства (своих социального слоя, культуры и религии) плюс две потери (любимой женщины и денег — чтобы не мешали). Но только такой «код» явно неприменим к нашей действительности. Постсоветская неосословность, утвердившаяся на всем пространстве бывшего Союза и наглухо застопорившая все мыслимые и немыслимые социальные лифты, сродни второму изданию крепостничества в раннее Новое время. И там и там невозможность вырваться из своего социально-

го слоя (причем, как это ни парадоксально, не только тем, которые снизу, но и тем, которые сверху) прекрасно уживается с рынком и рыночными отношениями, которыми охвачены и крепостные, и аристократы. О культуре и религии в нашем случае также говорить не приходится по причине их, ну, очевидной непервостепенности для всех акторов, претендующих на право называться революционерами. Об отказе от женщин (не только любимых, но и ситуационно используемых) и денег — вообще говорить смешно. И сам Выдрин, переносясь из прекрасного латиноамериканского далёка, вынужден при-

знать, что и революции, и контрреволюции на Украине делают люди с деньгами — только в последнем случае с очень большими деньгами. Может быть, олигархи инвестируют именно в революцию, а не в контрреволюцию вовсе не из-за недовольства «Семьей», как сейчас говорят на каждом углу, а всего-навсего потому, что хотят элементарно сэкономить?

О политическом герое

Выдрин не революционер. «Код революции» по Боливару — это то, что сам политолог не приемлет. У автора свой герой, которого он называет «эволюционером». «Эволюционер» — не тот, который свергает диктаторов, тасует политические режимы вместе с социальными системами, а тот, который задает новую стилистику. Характерный пример «эволюционера» — Че Гевара, создатель «стилистики

воина-сибарита». И пока на Украине не появятся такие «стилисты духа», как команданте, которым хочется подражать во всем — вплоть до того, чтобы так же стильно «курить сигары и носить набекрень береты», — до тех пор в стране не будет ни настоящей революции, ни настоящего лидера, без которого революция, как замечает Выдрин, «все равно что секс без партнера». (Вот наглядный пример лингвоталитаризма: под революцией автор понимает не нечто майданоподобное, а именно стильные инновации, а между тем само слово, будучи произнесенным, уже начинает вести свою собственную игру! Ну, да ладно — обещал ведь выше не цепляться к словам.)

Правда, Пелевин, который своей книгой «Generation “П”» во многом и спровоцировал нынешнюю чегевароманию, оценивает команданте — точнее, моду на его имидж — гораздо сдержаннее. Писатель называет самого латиноамериканского героя, а также «символизируемый им бунт» «коммерческим клише», ведь мир, как считает Пелевин, «делает деньги на прямом бунте против себя». Поэтому, может быть, сигары и берет набекрень — это не более чем удачная рекламная находка, хорошо продуманный пиар-ход? Хотя так ли уж это принципиально, если подобное имиджевое решение окажется способным породить нового востребованного временем лидера. Выдрин считает, что «в каждой стране в определенный период возникает своя «обомания»». «Код Барака Обамы» (который политолог расшифровал, как и «код революции») заключается в грамотном использовании колоссального политического потенциала стиля. Сильный президент — это, по мысли Выдрины, обязательно «стильный президент». В этом раз-

гадка «обамомании», продолжавшейся на протяжении чуть ли не всего первого срока действующего американского президента.

И вот здесь политолог делает очень важное заявление. По его мнению, именно в жажде большого стиля кроется главная причина разлитого во всем украинском обществе запроса на политика-мачо. (Кстати, разлитого до самого недавнего времени — такой запрос довольно долго оставался питательной средой и для Евромайдана.) Но ведь по сути то, о чем говорит Выдрин, — это в условиях нынешней политики как реальной виртуальности просто более современный, более конкурентоспособный пиар-продукт. Тот же полит-гламур, но только несколько иной, со слегка измененной гаммой ароматизаторов и отдушек. А потому надуманны сеговотавания автора в написанном им стихотворении о щемящей ностальгии по Че Геваре:

*Мы страшно устали терпеть
и стремиться,
В гламур, как в асфальт,
закатали нас боссы.
Нам дали жратву и налили
бухало,
Но вынули сердце и срезали
косы.*

Правильнее было бы не сетовать, что закатали в гламур, а досадовать, что не в тот гламур, в какой хотелось бы: «В гламур — да не в тот — закатали нас боссы».

Когда Выдрин писал свои книги, на право называться таким мачо претендовал лишь один политик: главная сенсация прошлых президентских выборов — Тигипко, неожиданно для всех занявший в первом туре почетнейшее третье место после Януковича и Тимошенко. Тогда очень многие были готовы поставить на эту темную лошадку, в которой увидели будущего

президента-технократа, способного осуществить апгрейд власти и усилить сцепку востока Украины с ее западом. Подобные иллюзии лопнули, как мыльные пузыри, когда начался Евромайдан. Тигипко переосторожничал сам себя, пытаясь равноудалиться и от Януковича, и от оппозиции. Публично высказанное им намерение порвать с «регионалами» так и осталось всего лишь намерением. И на Евромайда-не он не был замечен — вероятно, трезво оценил свою даже не нехаризматичность, а элементарную непубличность, которую — видно, по недоразумению — все эти годы после выборов 2010-го считали признаком технократизма. Со стороны всё это выглядело не взвешенностью и независимостью, а элементарной робостью и полной дезориентацией, чего политикам по определению не прощают, а политикам, с которыми связывают какие-то надежды, не прощают особенно.

Выдрин же с самого начала испытывал скепсис по поводу большого политического будущего Тигипко и припечатал этого «бронзового призера» выборов 2010-го убойным определением — «биментал». По мысли политолога, на Украине сегодня существуют два основных «ментальных субрегиона» — восточноукраинский и западноукраинский. «Сакральной столицей» первого является Донецк, второго — Львов. Восточноукраинский ментальный тип — это, условно говоря, «янычары», которые живут набегами, но совершенно не умеют ни обу-страивать, ни защищать собственные территории. Западноукраинский ментальный тип — это «схронщики», озабоченные защитой своих многочисленных схронов и тайников, но не желающие вторгаться в чужие территории. Между субрегионами, считает Выдрин,

располагается «мегабиментальная» зона — Днепропетровщина. Ее представители «легко мимикрируют» и «имитируют» характерные черты обоих субрегионов. Но делают это вполне искренне, превращаясь в активных проводников и «любой правящей идеологии», и «модного мировоззрения», и «любого восходящего тренда», и интересов действующей власти. То есть они биментальны по своей культурно-политической идентичности. В этом — как сила бименталов, так и их изъян: они поверхностны и никогда не укореняются в те смыслы, которым в данный момент служат. И Тигипко — выходец из Днепропетровщины — является ярким представителем бименталов. Он тяготеет к упрощениям и не обременяет себя необходимостью придумывать собственные идеи и лозунги, ограничиваясь лишь ловкой комбинаторикой чужих наработок. В то же самое время, как убежден Выдрин, «крупную личность, как и крупную рыбу, всегда тянет в глубину». И если Тигипко действительно захочет играть в большую игру с крупными ставками, его биментальность будет сильно мешать формированию собственного оригинального образа и стиля. Еще один политический дефект Тигипко — это его комсомольско-банкирское прошлое. Комсомольцы, ставшие затем успешными банкирами, привыкли решать дела, играя на человеческих слабостях — разного рода соблазнах. Это помогло бывшим комсомольским функционерам на первых этапах приватизации, но уже на стадии передела собственности и тем более конвертации собственности во власть такая «ставка на соблазны» явно проигрышна. Да, мачо — это соблазнитель по определению. Но какой именно мачо? Выдрин различает мачо под-

Для создания впечатления собственной брутальности одним политикам надо кричать, а другим — молчать. Кличко относится к последним. Для политика запутаться в имиджах — всё равно что для нелегала запутаться в легендах. И Кличко допустил этот фатальный промах.

линного («скрывает свою истинную силу, и его хочет народ») и мачо фальшивого («изображает чрезмерную силу и хочет народ» сам), намекая, что Тигипко является именно последним.

Еще раз — всё это политолог писал задолго до Евромайдана. Но какой верной оказалась его характеристика, как тогда казалось, восходящей звезды украинской технократии! Насколько прозорливой явилась оценка перспектив этого политика! «Тигипко тускл и аморфен во власти, — отмечает Выдрин, — и вообще не виден — в оппозиции». Да, при очень сильном желании сквозь слишком розовые очки можно было бы принять тусклость за преднамеренно культивируемую неброскость технократа, а аморфность — за гибкость и готовность взять на себя функции своего рода менеджера по обеспечению политических

компромиссов. Но вот пифийский выкрик политолога о том, что в оппозиции наш герой «вообще не виден», можно истолковать только однозначно и прямолинейно: «не виден», потому что его там не было раньше и нет сейчас — примазываться к сегодняшним триумфаторам-пенкоснимателям уже поздно. Это как в 1991-м с выходом из КПСС. Если ты положил партбилет на стол до вечера 21 августа, то есть до возвращения Горбачева из форосского заточения, то ты герой, демократ, и с тобой можно иметь дело. Если после — то ты жалкий перевертыш, двуличный приспособленец, и нечего тебе рассчитывать на лакомые должности. Ну, во всяком случае, так тогда преподносилось...

Сформулировав проблему массовых страстей по мачо, Выдрин убил сразу трех зайцев. Во-первых, он точно вы-

числил сам тренд. Во-вторых, показал, что тот, в ком все уже готовы были признать мачо, таковым на самом деле не является, что он не настоящий, а фальшивый мачо. Наконец, в-третьих, — и это самое главное — следующий всплеск «обаомании» политолог — напомним, это было написано в 2011-м — предрек «через 2-3 года», то есть срок исполнения этого прогноза точь-в-точь совпадает с Евромайданом, который по сути — если развивать авторскую мысль — и явился кастингом кандидатов в мачо.

По крайней мере, так он начинался. Еще задолго до Евромайдана стало казаться, что новым «мачо украинской политики» станет Кличко. Да и Выдрин в книге, изданной в 2011-м, намекал на соответствующий имиджевый потенциал боксера — кстати, еще задолго до того, как о лидерских перспективах Кличко заговорил экспертное сообщество. Автор сказал об этом в связи с Тигипко и по поводу исключительных политических возможностей стиля, который «всегда побеждает силу» — «как Кличко несомненно победит Валуюва». Но с началом Евромайдана очень быстро выяснилось, что и Кличко — точно такой же дутый мачо, как и Тигипко. Образ мачо затрещал по швам, как только Кличко стал пробоваться на роль народного трибуна Евромайдана. У Выдрины есть интересное замечание, касающееся поведенческих стереотипов полярных украинских ментальных типов: «“Донецкие” вместе, даже когда они молчат. А “львовские” вместе, только когда они кричат». Перефразируя этот афоризм применительно к лидеру УДАРа, можно сказать, что для создания впечатления собственной брутальности одним политикам надо кричать, а другим — молчать, по крайней

мере, на публике. Кличко относится к последним. Для политика запутаться в имиджах — всё равно что для нелегала запутаться в легендах. И Кличко допустил этот фатальный промах. Выступая перед Евромайданом, он, точно университетский профессор — а никак не народный вождь, косился на айпад — кабы чего не забыть, кабы в нужном месте поставить смысловое ударение, а в другом месте — выдерживать паузу. При подписании акта о безоговорочной капитуляции Януковича в присутствии забугорных гарантов Кличко жал руку все еще пока президенту — а потом суетливо оправдывался перед массами за это рукопожатие. Мачо так не поступает. Мачо всегда должен источать абсолютную уверенность в себе, какую бы глупость он ни совершал или ни говорил.

Не лучшим образом обстоят дела и у двух других кандидатов в мачо — Яценюка и Тягнибока. Что касается Яценюка, то Выдрин еще в «Политическом классе» едко высмеял его предвыборный имидж прошлой президентской кампании, когда вся Украина оказалась завешанной рекламными плакатами, на которых этот политик был изображен в камуфляже, ну, совсем не вязавшемся с его внешностью. По этому поводу политолог тогда съехидничал: «Какой ты, на фиг, танкист!» — именно так должна ответить девушка ухаживающему за ней молодому человеку, когда узнает, что он вовсе не бравый военный, каким он хотел ей казаться, нацепив камуфляж, а отличник из музыкальной школы. И даже если такой отличник из музыкальной школы все-таки вскарабкивается в премьерское кресло, он от этого не становится «танкистом», или — иными словами — мачо.

Для вящей убедительности мачо ко всему прочему не-

обходим еще и определенный лоск и даже — позволю себе дополнить Выдрину — в какой-то мере дендизм — понимается, в политическом измерении. У обоих названных выше членов евромайданного «триумvirата» в той или иной мере эти качества еще проглядывают. Но ими напрочь обделен третий «триумvir» — Тягнибок. Между тем для мачо одной лишь харизмы крутизны недостаточно — тут требуется определенная огранка. Тот же залихватски заломленный берет или со вкусом раскуриваемая сигара. Толпа уважает лидера не только за то, что он смелый и решительный, но и за то, что он другой выделки. А с этим у вожака «Свободы» совсем плохо.

И вот тут впору сделать два принципиальных вывода о сегодняшней ситуации на Украине.

Вывод первый — даже неинтересный из-за своей бесспорности. Можно сколь угодно со свойственным экспертному сообществу профессиональным смаком анализировать «перехваченный» телефонный разговор Нуланд с Пайеттом и с затаенным дыханием наивного конспиролога наблюдать за осуществлением содержащегося в этом разговоре «предсказания» о премьерстве Яценюка. (Воистину прав Выдрин, считающий, что «в гербы всех “оранжевых республик” должны быть включены мобильные телефоны», подобно тому как в гербах некоторых государств, «возникших революционным путем», имеются «калаши».) Можно в пробковой непотопляемости Кличко завороченно углядывать проявления самостоятельной игры Германии на Украине — даже в пике Соединенным Штатам. Но морфология Евромайдана этим не исчерпывается. Большая геополитика — вещь занятая, но явно недостаточная для

понимания украинской «февральской революции». Тут нужна еще и сфокусированная оптика политической антропологии — типа «кода Обамы». Сквозь такую оптику многое видится четче и точнее. Вывод второй. Очередная украинская революция уже неспособна остановиться и продолжает набирать темп. И судя по всему, революционные массы мачо уже больше не хотят. То, что они хотели мачо в самом начале Евромайдана, — однозначно. Бесспорно и то, что его еще продолжали хотеть в ходе крещенских столкновений в Киеве. Но вот когда в середине февраля в столице стали стрелять по-настоящему, похоже, появился запрос на новых героев. Выше я уже сказал, что даже Тягнибок никак не тянет на мачо. А о всяких оборотнях типа Яроша и подавно говорить не приходится. Эта нечисть, точно ожившая химера с дома Городецкого, уничтожающая — пока что — памятники и глумящаяся под телекамерами над прокурорами, — вот он, новый культурный герой, пришедший на смену мачо, трикстер украинского Февраля 2014-го. Революция — а особенно революция победившая — всегда пьянит массы, которые в угаре начинают принимать за ангелов сущностей из низшего астрала. А когда угар проходит и наступает тяжкое похмелье, уже не получается отыгрывать обратно... Удивительно, но почти одновременно с наступлением развязки Евромайдана в российский прокат вышла новая экранизация гоголевского «Вия» Олега Степченко. Причем очень даже евроориентированная экранизация — как по постановке, имеющей мало общего с оригиналом, так и по съемочной команде. Случайно ли это? Как гласит одна политологическая мудрость (в лекцию нашему автору-по-

литафористу), совпадение — это просто чей-то неразгаданный сценарий.

О любви и ненависти

Выдрин пишет озорно и ёрнически. Нешадно поддевает всех подряд своими убийными характеристиками. Но делает это в общем-то беззлобно. И лишь в единственном случае у него не получается скрывать своего предельно негативного отношения к одной из персон «политикума». Эта персона — Тимошенко. «Триумвиры» показали, что годятся разве что на роль парламентаров между Евромайданом и Банковой. Тимошенко же, выйдя из заточения, сразу продемонстрировала президентские амбиции. Можно согласиться с высказываемыми сейчас суждениями, что добиться этого ей будет нелегко: мол, кровь свою не проливала, к старому коррумпированному режиму причастна, и вообще никто еще не списывал со счетов Кличко, а то и кого-то еще из других записных кандидатов в президенты. Но вместе с тем нельзя не видеть и того, что за пределами Украины, в том числе и у нас, очень многие — и притом влиятельные — лица считают, что из пока не определившейся обоймы участников ближайших выборов иметь дело можно только с Тимошенко и лишь она сумеет уберечь государство от распада. Поэтому тем более важными представляются оценки, данные Тимошенко Выдриным. Эти оценки — серьезное предупреждение всем тем, которые торопятся в объятия героини Майдана-2004, экс-премьера и вообще Матери «Отечества» (последнее слово в данном случае можно употреблять как в кавычках, так и — как, наверное, хотелось бы самой Тимошенко — без оных). Но обо всём по порядку. В последнее время много говорят о том, что Евромайдан по-

хоронил специфическую — договорную — модель украинского режима. Суть этой модели заключается в том, что в нынешних границах Украины просто не может возникнуть настоящего авторитаризма, потому что власти ради сохранения целостности государства постоянно приходится поддерживать хрупкий баланс между совершенно разными в культурном отношении востоком и западом страны. А значит, все реальные политические субъекты постоянно вынуждены обо всем друг с другом договариваться. О такой договорной государственности — «украинской демократии» — пишет и Выдрин. При этом строе, считает он, за демократию выдается «некий симулятор», например, потасовки в Раде, конкуренция кланов и групп влияния, периодические отставки Кабинета, выборы как своеобразный Юрьев день — смена хозяев и не более того, а также прочие элементы сугубо внешнего ребрендинга. Политолог прав — менялся дизайн режима, а его договорная основа оставалась незыблемой. И что характерно, эта модель сохранилась даже после Майдана-2004. Сначала — в сочетании слабого, но упрямого президента, вечно оппозиционных ему правительств и решавшей свои проблемы Рады. Потом — в более пастельном рисунке: протееобразный президент, не мешавшие ему министры и по-прежнему озабоченная обеспечением собственных интересов Рада. Судя по всему, именно в этом направлении (ну, конечно, в идеале, а не в том, что получалось на практике) автору видится — вернее, виделся, когда он об этом писал несколько лет назад, — и путь к решению «главной проблемы Украины», которая заключается в «создании нового механизма самоидентификации».

Однако ни Евромайдан, ни тем более оборотни-боевики не заинтересованы в сохранении такой договорной демократии. Первыми эту жесткость и недоговороспособность нового режима почувствовали на себе «триумвиры», последовательно работавшие — причем даже в кульминационный момент революции — в старой парадигме. Они преуспели на ниве регулярных сверок часов с Януковичем, но никак не в консолидации ресурса собственной влиятельности. (Предупреждал же мудрый Выдрин в своем «кодексе для оппозиции»: «Не бойся никого и ничего, кроме времени».) И в результате не стали вождями революции, которая на самом-то деле была направлена не против режима Януковича, а против этой самой договорной модели. (Да, «триумвиры» по-прежнему мелькают где-то на передовой, а Яценюк даже занял премьерское кресло и может в нем остаться и после выборов, если на них победит Тимошенко. Но подобные бонусы и даже благоприятные приобретения и роль вождей революции — несопоставимые вещи.) Но в таком случае новые киевские власти должны понимать, что из сложившейся ситуации только два выхода: либо сохранение договорной специфики украинской государственности — и тогда шанс удержать страну в существующих границах, либо никаких «договорняков» — и как результат неминуемый распад территории бывшей советской республики. О подобной угрозе — появлении влиятельного, но недоговороспособного политического субъекта, из-за которого застопорится процесс своеобразного, но тем не менее все же реального диалога, — писал несколько лет назад и Выдрин, но только он подразумевал под таким субъектом

Киев. Февраль 2014-го

Тимошенко, которая, победила она на выборах 2010-го, установила бы диктатуру и тем самым ликвидировала бы «украинскую демократию». Честно говоря, когда я — еще задолго до террора, устроенного боевиками с Евромайдана, — прочитал сценарий утверждения диктатуры этой хрупкой женщины с нарочито национальной прической, то счел, что политолог преувеличивает. Ну, какая диктатура в договорном государстве? Сама природа «украинской демократии» не позволит появиться диктатору. Или это будет уже не договорное государство — а значит, уже и не Украина в ее нынешних очертаниях. Если договорная государственность — это нечто устойчивое, самовоспроизводящееся, более или менее стабильное и прогнозируемое, то диктатура на Украине — это исключительно транзитный режим. Его транзитность может быть длиннее или короче, но она, вне всякого сомнения, конечно, ибо неизбежно приведет к прекращению существования прежней Украины. «Особенность Украины в том, что ее нельзя ни расколоть, ни объединить», — считает Выдрин, но это утверждение справедливо именно для режима «украинской демократии». Только откажись от этой дого-

Революция всегда пьянит массы, которые в угаре начинают принимать за ангелов сущностей из низшего астрала. Удивительно, но почти одновременно с наступлением развязки Евромайдана в российский прокат вышла новая экранизация гоголевского «Вия» Олега Степченко.

ворной основы — и никакого труда не составит ни расколоть, ни заново в иной конфигурации и новых границах объединить расколовшиеся части. Поэтому вызывают недоумение мнения некоторых — и весьма статусных — московских экспертов, что, дескать, на Украине всё так или иначе утрясется после прихода Тимошенко. Ну, будет режим несколько более оранжевый и антироссийский, чем при Ющенко, но в целом, мол, Юлия вполне предсказуема: жестко стелет — а спать-то в итоге всё равно будет мягко. Подобные прогнозы смешны. Тот, кого изберут 25 мая (или во втором туре), — неважно, кто станет этим победителем: Тимошенко, Кличко или кто-то другой, — будет просто обязан действовать с оглядкой на оборотней. Если в 2004-м сработал описанный Выдриным украинский способ подавления восстания — «когда власть вдруг возглавляет восставшие массы» (да и восстали ли они тогда самостоятельно, без подсказки сверху?), то сейчас происходит всё наоборот — корич-

Кадр из фильма Олега Степченко «Вий»

невый сегмент Евромайдана диктует власти свои условия. А значит, договорной демократии как при любом раскладе президентской кампании. Да, теперь я вижу — мой скепсис в отношении тревожного прогноза Выдрина был легкомысленным. Политолог еще несколько лет назад предвидел вероятность того, что происходит сейчас на наших глазах, только в несколько иной аранжировке. Приди Тимошенко к власти в 2010-м, и коллапс договорной модели случился бы не из-за фашистов в черных балаклавах в коридорах Банковой, а в силу личностных особенностей победительницы. Комплекс зданий на Банковой и в этом случае был бы оккупирован — разве что несколько иной публикой: к новоизбранному президенту тут же выстроилась бы очередь желающих продемонстрировать свою лояльность — как образно замечает Выдрин, в приемную президента переселилась бы вся политическая элита Украины. Политолог детально объясняет, почему это случилось

Первыми жесткость и недоговороспособность нового режима почувствовали на себе «триумвиры». И хотя они по-прежнему мелькают, а Яценюк (на фото) даже занял премьерское кресло, подобные бонусы и роль вождей революции – несопоставимые вещи.

бы. Он делит украинскую элиту на две группы. Первая, которая больше, — это «монетофаги». Для них целью являются деньги, а власть — лишь средство, с помощью которого такая цель достигается. Вторая группа — неизмеримо меньшая — «кратофаги», для которых главное — власть, а всё остальное — только инструменты обретения власти. Тимошенко по приведенной классификации — типичный и ярко выраженный «кратофаг». Причем из всех «кратофагов» она — наиболее исступленная, буквально одержимая, готовая на всё ради власти как таковой. Сегодня совершенно очевидно, что политолог был абсолютно прав, характеризуя Тимошенко подобным образом. Тюрьму, в которую она попала уже после выхода книг Выдрина, следует рассматривать как сознательный выбор экс-премьера — в качестве весомой инвестиции в свой

имиджевый капитал на будущее. Не надо быть глубоко посвященным во все тайны Банковой, чтобы понимать элементарную истину: если фигура такого масштаба села в тюрьму — значит эта фигура сама того захотела и по каким-то своим соображениям отвергла многочисленные варианты более мягкого — и может быть, даже оплачиваемого — ухода из политики. Тимошенко ясно осознала непреложный закон: тюрьма для политика — это уникальная возможность ощутимо поднять рейтинг за государственный счет. Мотающих срок у нас — в смысле на пространстве, где говорят по-русски, — традиционно жалеют. Если, конеч-

что олигарх на самом деле, по словам отдельных осведомленных лиц, и отбыл в лагере 10 лет, оппоненты Кремля и подавно ставят ему в заслугу. Однако Тимошенко в представлении Выдрина — вовсе не утонченный «кратофаг» с налетом рузвельтовского аристократизма. Она — олицетворение вульгарности, под которой следует понимать апелляцию к примитивным — чуть ли не на уровне инстинктов — хтоническим чувствам любви и ненависти. По первым публичным выступлениям Тимошенко после освобождения видно, что эти особенности ее политического поведения не только не исчезли, но стали еще более агрессивными.

О проигравших

Тимошенко относится к политике не как к бизнес-проекту, а как к чему-то сакральному, самоценному. Она, считает Выдрин, — «общенациональный лидер кратофагов», а «в политике политик всегда побеждает бизнесмена». Эту аксиому, по словам политолога, упорно не понимают оппоненты Тимошенко, особенно «регионалы» во главе — тогда еще, когда автор об этом писал, — с Януковичем, являющиеся олицетворением «монетофагов». А ведь победить «кратофага» может только другой «кратофаг», но никак не «монетофаг». Но это стратегически — а тактически вполне возможна и обратная комбинация, которая и произошла в 2010 году. Главный электоральный конфликт последней президентской кампании Выдрин усматривает не столько в персональном противостоянии Тимошенко и Януковича, сколько в столкновении двух типов сознания — «вульгарно-пошлого» в лице первой и «монетарно-утилитарного», персонифицированного вторым. И победил тогда Януко-

вич именно потому, что на тот момент «монетарно-утилитарный» тренд был восходящим. «Монетофаги» почувствовали, что это их игра, — и одержали верх.

Однако в политике неоспоримое достоинство легко может обернуться неисправимым недостатком. Еще в самом начале президентства Януковича Выдрин указывал на ахиллесову пятую нового режима — ту самую пятую, которой он в конце концов и споткнулся о Евромайдан. Придя к власти, считал политолог, «монетофаги» будут по-прежнему уповать на тренд, с помощью которого они одержали победу, хотя не факт, что сам этот тренд останется неизменным. Весь пафос затеянной Януковичем кампании по отказу от евроинтеграции сводился к сугубо прагматической стороне вопроса — это скажется на материальном благосостоянии граждан. Но тренд к тому моменту уже был иным, о чем наглядно свидетельствуют образность и риторика Евромайдана, а также тот факт, что на этот раз — в отличие от 2004-го — радикалы оказались на первых ролях. А там, где стилистика смерти и борьбы на уничтожение становится основополагающей, «монетарно-утилитарный» тренд по определению не может доминировать. Он уступил лидерство тренду «вульгарно-пошлому» — правда, заметно мутировавшему: если переборщить с насыщенностью оранжевого цвета, он может превратиться в коричневый. Этого не понимают или по каким-то причинам не желают понимать наши упомянутые выше эксперты. Еще один изъян «монетофагов» — это их «комплекс неполноценности, связанный с публичностью». К сожалению, Выдрин не развил дальше эту исключительно важную мысль. И даже понятно, почему политолог оборвал себя на полусло-

ве, — потому что затронул свою любимую тему политического стиля, в которой он как рыба в воде, и решил не топтаться лишний раз на том, что и так ясно. Ясно ему — но, похоже, не до конца ясно другим. Вернее, очень многие интуитивно чувствуют, что собака всех неудач «регионалов» в эпоху Евромайдана зарыта именно здесь, но при этом на вербальном уровне объясняют свои ощущения довольно косным образом: мол, коррумпированы, понимаешь, сверх всякой меры — оттого и неяркие, непривлекательные. Хотя такое объяснение не выдерживает критики. А кто не коррумпиро-

Тимошенко в представлении Выдрина — вовсе не утонченный «кратофаг» с налетом рузвельтовского аристократизма. Она — олицетворение вульгарности, под которой следует понимать апелляцию к примитивным — чуть ли не на уровне инстинктов — хтоническим чувствам любви и ненависти.

рован? Кто пробрался на политический Олимп в белых перчатках? Потом на то они и «монетофаги», чтобы деньги делать. В противном случае они были бы не «монетофагами», а лузерами, неспособными улавливать никаких трендов. Дело тут в другом, и то, что ясно Выдрину, стоит еще раз подробно проговорить.

В начале 90-х в некоторых московских закрытых и не слишком закрытых экспертных салонах очень любили сравнивать переживавшиеся тогда фазы конфликта разных ветвей власти с хрестоматийными этапами Французской революции. И — если использовать такую аналогию — все ждали термидор. И дождались — притом что узрели наступление термидора не в главных его проявлениях, а во второстепенных, производных. Возвращение государства, уставшего, подобно матросу Железнику, от роли ночного сторожа, в экономику, усиление социальной риторики, а под-

час даже и практики, попытки — более или менее успешные — навести порядок или хотя бы просто договориться с криминально-олигархическим бизнесом — да, всё это термидор — но термидор, что называется, оболочечный. Ядро же этого термидорианского переворота составляло возвращение старой партийно-номенклатурной стилистики власти. Вернулся не старый строй, а старый стиль и, конечно, не в прежнем виде, а подновленный, но при этом по сути своей ничуть не изменившийся. И вовсе не потому, что он такой уж эффективный и незаменимый — будь оно так, не случилось бы в нашей истории маразматической перестройки. А потому, что за все годы радикальных постсоветских перемен так и не сложилось какой-либо более или менее действенной альтернативы этому стилю. (Стилистика митинговая и стилистика воровская в принципе не могут стать стилистикой госу-

Индивидуальный экспертный почерк Дмитрия Выдрина (на фото) всегда легко узнаваем. И «код Выдрина» наподобие «кода да Винчи» будоражит пытливость всех тех, которые искренне хотят докопаться до ответа на вопрос: как на самом деле делается политика?

дарственной власти.) Именно поэтому термидор победил на всём пространстве бывшего Советского Союза. Даже в каком-то смысле в маргинальной Прибалтике, хотя в ней, разумеется, в меньшей степени. Разве что в центральноазиатских республиках термидора не случилось — так как там не было якобинской диктатуры. Да и вообще ничего не было — всё осталось на своих местах, кроме Киргизии — да и то с большими оговорками. А во всех остальных странах — даже в неспособной определиться с собственной идентичностью Молдавии, даже в заросшей розами Грузии — термидор в том или ином виде имел место.

Можно долго говорить о том, что собой представляет эта слегка модернизированная советская стилистика, но главная ее черта — это некоммуникабельность. Термидорианцы

просто не умеют говорить, они логофобы — боятся сказать не то и не так и делегируют право голоса — в прямом смысле этого слова — своим начальникам. Последние — так как они сделаны из того же теста — тоже не умеют и не любят говорить, но им это делать приходится в силу их положения, и получается неказисто и кургузо. Иногда это пикантно, всякого рода «черномырдинки» даже придают определенный шарм, но у логофобов такого добра с избытком. Получается очень уж переперчено. Поэтому по аналогии с легендарным определением, брошенным четверть века назад на первом Съезде союзных нардепов демократом Афанасьевым, — «агрессивно-послушное большинство» — тер-

мидорианское большинство можно назвать неагрессивным (этого сейчас не требуется), в целом послушным (хотя и не всегда), но главное — молчаливым. Вот в чем выражается кризис публичности «регионалов», о котором пишет Выдрин. Коммуникативная революция прокатилась по всей планете. Способность самовыражаться, преподнести себя, транслировать свои мысли — вживую или в соцсетях — это сегодня, пожалуй, самое необходимое условие политической выживаемости. А у «регионалов» с этим, ну, мягко говоря, не всё в порядке. Я даже не про украинский, с которым у многих не лады, это то как раз прокатывается, а про наш обычный родной «язык постсоветского общения». Конечно, везде есть свои исключения — например, тот же Царёв, — но ведь исключения лишь подтверждают правила.

Логофобия в сочетании с «монетофагией» — это гремучая смесь посильнее «коктейля Молотова». Она способна сокрушить любую политическую силу — просто подорвать ее изнутри, дезориентировать, размагнитить, превратить в идеальную среду для выращивания собственных будущих могильщиков. Неужели память настолько коротка, что мы забыли печальную участь КПСС, страдавшей точно таким же синдромом? А ведь это было еще только в самом начале глобальной коммуникативной революции, которая тогда протекала гораздо медленнее и неувереннее, чем сейчас.

Стилевая ущербность приводит к порочной практике. Выдрин — правда, по другому поводу, говоря об избирательной стратегии «регионалов», — называет такую практику «максимальной минимизацией рисков». Однако подобная поведенческая установка проявляется не только в их электоральных технологиях. Она намного шире, это вообще политический стиль «сине-белых». В России аналогичную позицию назвали бы «здоровым консерватизмом», «установкой на стабильность», «стремлением обеспечить максимальную прогнозируемость развития политической ситуации», «здоровым недеянием»... ну, тут уже один шаг до своеобразного политического даосизма. Смысл данной стратегии очевиден — делать как можно меньше каких бы то ни было движений, дабы не порождать этими движениями новые вызовы — любая неожиданность или непредвиденность способна помешать размеренной «монетофагии». Не исключено, что в какие-то периоды такая стратегия выглядит оправданной. Но это сугубо оборонительная стратегия. Если хочешь максимально минимизировать риски, то

нечего и думать о наступлении — удержать бы оборону без особых потерь. Вот почему «креативный» Евромайдан переиграл логофобов, на которых держался режим Януковича! Как это ни парадоксально, ориентация на «максимальную минимизацию рисков» позволяет легко разворачиваться на 180 градусов и торопливо предавать и своего прежнего лидера, и вместе с ним самих себя. Но за подобный разворот кругом придется расплавиться, и самым дорогим — собственным политическим будущим. А это уже «максимальная максимизация рисков».

Об одном выученном уроке

Рисуя оптимальную для Украины картину разделения властей, Выдрин — помимо общих, красивых, в общем-то и так понятных слов о президенте-стратге и ответственных парламентариях — утверждает: стране нужен премьер, «который не мечтает быть президентом». Для Украины, трое из четырех президентов которой сумели обрести высший пост именно благодаря заработанному в премьерском кресле реноме — я уже не говорю о гораздо большем количестве глав Кабмина, возделания коих не суждено было исполниться, — указанный элемент разделения властей, видимо, является самым важным. Среди постсоветских украинских руководителей правительств немногие просто сидели на хозяйстве, занимались повседневной управленческой прозаикой и не использовали премьерский ресурс для пиара в видах будущих президентских кампаний, сознательно приняв на себя тяжкую и непопулярную социально-экономическую ношу второго и при этом никогда не помышляя стать первым. Подавляющее большинство ее премьеров в той или

иной степени обязательно грезили повышением. В трех случаях это сбылось, в остальных — нет. Но сама по себе премьерская установка подниматься со второй ступеньки на первую прочно укоренена в «политикуме». (Украина — это ведь не Россия, где всё шиворот-навыворот и президенты становятся премьерами!) И на таком фоне казус Азарова был чуть ли не единственным исключением из правила. Пускай по неизбежности — он никогда не был бы принят украиноязычной Украиной, — но тем не менее. После того как под дулами автоматов боевиков прошел торг по поводу состава технического кабинета, новый глава правительства, хотя сам и не технический, а очень даже политический «триумвир», поспешил заявить о своем неучастии в президентских выборах. В том, что он об этом мечтает, пускай и без всякого шанса на успех, сомневаться не приходится: ведь так всё складывалось замечательно — да вот патронессу не вовремя освободили!.. То есть Азаров, Яценюк — неужели новая традиция? Хотя какая разница — традиция-то, может, и новая, только и государство тоже, как я уже говорил выше, станет совсем другим. Но тем не менее, выходит, что этот урок от Выдрина власть, видимо, усвоила.

Наконец, о самом Выдрине

У политолога имеется одно очень интересное замечание по поводу «трех уровней экспертного могущества». На первом уровне находятся те, которые способны «убедительно и смело описать существующую проблему». Уровнем выше стоят эксперты, умеющие «представить правдоподобную и элегантную модель решения проблемы». И выше всех оказываются формулирующие «сценарий аль-

тернативной реальности, в которой данная проблема просто не существует». На котором из уровней сам автор? Мне кажется, что где-то между вторым и третьим. Если бы не Евромайдан со всеми своими последствиями, то, наверное, точно был бы на третьем. Просто книги, о которых шла речь, — из другой эпохи. Можно, конечно, занимаясь своего рода ретроспективной политической футурологией, что я пытался делать в этой статье, доказывать применимость прежних объяснительных конструкций и для эпохи Евромайдана и того времени, которое наступило после «февральской революции». Хотя есть узлы — воспользуюсь этим солженицынским понятием, — в которых уязвимость моих интерпретаций Выдрина прозрачна — и прежде всего для меня самого. Поэтому, конечно же, политологу следовало бы подтвердить свою квалификацию эксперта третьего уровня — выпустить новую книгу, уже по следам произошедших перемен. Будут цензурные сложности на Украине — это можно осуществить в России, тем более что читать и изучать этого автора чрезвычайно полезно и нашему экспертному сообществу. Но вместе с тем очевидно и другое. Индивидуальный экспертный почерк, манера политического письма Дмитрия Игнатьевича всегда легко узнаваемы. Они — заметный феномен постсоветской аналитической мысли. Можно даже говорить о существовании своего рода «кода Выдрина» — будоражащего наподобие «кода да Винчи» (но никак не «кода Обамы», с которым всё предельно ясно) пытливость всех тех, которые искренне хотят докопаться до ответа на вопрос: как на самом деле делается политика?

28 февраля 2014 года